УДК 82+821.161.1

ЧЕЛО – ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛНОК В ЮНОШЕСКОЙ ЛИРИКЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Мехтиев В.Г., Редько Д.В.

В статье исследуется связь мотивных слов «чело» – «человек» – «челнок» в юношеской лирике М.Ю. Лермонтова. Эти лексические единицы обладают сильной смысловой и эмоциональной заряженностью в стихотворениях юного поэта. Показывается, что слова «чело», «человек», «челнок», рассматриваемые в их единстве, составляют важный компонент поэтического образа мира классика. Изучается связь слов «чело», «человек», «челнок» с ведущими мотивами лирики Лермонтова.

Ключевые слова: лирика, мотив, чело, человек, челнок, поэтическая семантика.

BROW – MAN – SHUTTLE IN M. LERMONTOV'S YOUTHFUL LYRICS

Mekhtiev V.G., Redko D.V.

The article explores the connection of the words "brow" – "man" – "shuttle". These lexical units have strong semantic and emotional charge in the young poet's verses. M. Lermontov uses the words "brow", "man" and "shuttle" in his poems as an important component of the poetic image. The author studies connections between these words with key motives of Lermontov's lyrics.

Keywords: lyric poetry, motif, brow, man, shuttle, poetic semantics.

Личность Михаила Юрьевича Лермонтова, его жизнь и творчество стали объектом исследования многих литературоведов. «Лермонтовская энциклопедия» (1980), изданная под редакцией В.А. Мануйлова, стала важнейшим этапом сбора и систематизации научных открытий лермонтоведов. Следует назвать также книгу «М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь»

(2014), где авторы, вероятно, стремились обобщенно изложить знания на новом этапе развития российского литературоведения о Лермонтове и его творчестве.

Поэзия Лермонтова часто рассматривается как сложное взаимодействие постоянных и любимых для него мотивов. Исследование повторяющихся мотивов свидетельствует об их особом для поэта внутреннем значении, как неких философско-эстетических констант, на которых зиждется его художественная модель мира. Каждый такой мотив всегда имеет какой-то конкретный, локальный смысл, зависящий от контекста произведения, но наряду с этим он обладает еще и сверхзначением, выводящим его за пределы отдельного произведения и делающим элементом всей художественной системы автора. В уже названной «Лермонтовской энциклопедии» специальный раздел посвящен мотивам лирики Лермонтова. Одновременно авторы учитывали, что «мотивы поэзии Л.[ермонтова] еще не стали предметом отд. монографического исследования»; в «Лермонтовской энциклопедии» «сделан первый опыт рассмотрения доминирующих мотивов Л.[ермонтова]». [8, с. 291]. Поэтому совсем не случаен интерес современных исследователей к мотивному ряду лирики Лермонтова (Ю.А. Брунева [1], Н.В. Головинова [3], Е.Л. Демиденко [5], В.Г. Мехтиев [10; 11], О.В. Московских [12] и др.).

Анализируя поэмы «Азраил» и «Ангел смерти», В.Г. Мехтиев приходит к заключению, что уже в своей юношеской лирике Лермонтов тяготеет к диалогическому осмыслению мотива, что было обусловлено стремлением поэта показать масштабность и сложность «мировых проблем» [11, с. 3].

Цель данной статьи – исследовать диалогическую взаимосвязь семантики слов «чело» – «человек» – «челнок» в юношеской лирике Лермонтова, границы которой согласно «Лермонтовской энциклопедии» определяются так: с 1828 по 1837 год. В.Р. Вацуро в работе «Ранняя лирика Лермонтова и поэтическая традиция 20-х годов» выделял три этапа в юношеском творчестве поэта:

1) 1828-1829. Для данного этапа характерны античные мотивы, близкие к А.С. Пушкину и К.Н. Батюшкову. В лирике этого периода связь между

«челом», «человеком» и «челноком» не наблюдается; для этого периода лирики Лермонтова названные мотивные слова вообще не характерны.

2) 1830-1831. «К 1830 году складывается лирический герой с устойчивым психологическим статусом, где определяющими являются именно "страсти"» [2]. В стихотворениях этого времени появляются слова «чело», «человек», «челнок» как взаимно освещающие друг друга.

3) 1831-1837. Это период самоопределения. М.Ю. Лермонтов начинает «с попыток определить своих учителей и потенциальных противников, усвоить и переосмыслить накопленный поэтический опыт» [2].

Слова «чело», «человек» и «челнок» вошли в русскую речь из старославянского языка (согласно словарю М. Фасмера) и являются общеизвестными. Сами по себе слова нейтральны друг к другу (за исключением «чело» – «чело-века»), однако в лирике М.Ю. Лермонтова они переосмысливаются, обогащаются в семантическом отношении и становятся контекстуально-связанными, примыкая в своей совокупности к мотиву странничества, скитальчества.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля приводятся четырнадцать значений слова «чело», из них лишь несколько вошло в фонд поэтического языка: «Лоб, часть головы, от темени до бровей»; «Бить челом, кланяться, отдать поклон; благодарить»; «Чело горы… Чело войска, голова, перед; лицо» [4, с. 587]. М.Ю. Лермонтов использовал лишь самое распространённое значение – лоб, часть головы, от темени до бровей, лицо. В том же словаре В. Даля слову «человек» дается шесть толкований: «Каждый из людей; высшее из земных созданий, одаренное разумом, свободной волей и словесною речью»; «Служитель, прислуга, лакей или комнатный»; «Юродивый, божевольный»; «Человечий, человеческий, к человеку относящ., ему свойственный. Человечий образ, – вид, – облик»; «Человечный, новг. ниж. каз. рослый и плотный, видный собою, мужественный, молодец, ражий»; «Добрые свойства и природа людей, милосердие, любовь к ближнему, сочувствие» [4, с.

588]. Любопытно, что в своих стихотворениях Лермонтов нередко перетолковывает закрепленное в словаре значение слова «человек».

Что же касается слова «челнок», то оно в словаре В. Даля находит только три толкования: «Челнок, челночок, челнишка, челница, увлч. лодочка однодеревка»; «Челн, челнок, ткацкий челн, колодочка в виде челна, с носками в оба конца, с гнездом посредине, куда вставляется цевка с утоком»; «Арх. челноки, долгие пирожки с кашей» [4, с. 587].. У Лермонтова «челнок» употребляется в распространённом значении – лодочка однодеревка.

Как видно из «Толкового словаря живого великорусского языка» В. Даля, данные слова изначально являются полисемантичными. В романтической литературной традиции получила своё развитие тенденция к ещё большему расширению семантического поля слов. «Так, например, высокочастотное в русской поэзии слово "чело" (лоб) у отдельных стихотворцев утрачивало семантическую чёткость, выступая в значениях голова или лицо, что порицалось критикой.<…> Таким образом, стихотворцы, осуществляя в данном случае синекдохический перенос, употребляли наименование целого вместо части. И такие факты не были редкостью.<…> Кроме того, слово "чело" часто использовалось персонифицированно, как компонент развёрнутых метафор. В таких случаях оно обозначало некий абстрактный "лик", "неземной образ", приобретая при этом особенно возвышенно-романтическую окраску, но ещё более теряя семантическую чёткость» [13, с. 386]. Однако для поэтического мира М.Ю. Лермонтова нехарактерно расширение понятия рассматриваемых нами слов. Наоборот, их значение сужается: чело это всегда лоб, лицо, человек является человеком, а челнок – небольшой лодкой. Но почему именно «чело» и «челн»?

Ю. Манн в своей монографии «Динамика русского романтизма» писал о таком явлении, свойственном русскому романтизму, как оппозиционность. «Собственно "оппозиционность" – в широком смысле слова – свойство высказывания вообще, поскольку, утверждая одно, оно тем самым отрицает другое, и наоборот. Однако в данном случае обе части поэтического суждения –

высказываемое и подразумеваемое – присутствуют в тексте. Если же одной из частей нет, то она прозрачно подразумевается, так как существует "рядом", в смежных произведениях, подсказывается контекстом творчества писателя или даже целого направления. Происходят взаимодействие и борьба поэтических оппозиций» [9, с. 16].

Такая оппозиция наблюдается, например, в стихотворении Лермонтова «Нередко люди бранили…» (1830):

И снова меж людей явился
С холодным, сумрачным челом;
Но взгляд, куда б ни обратился,
Встречался с радостным лицом! [6, с. 143]

Для того, чтобы увидеть взаимосвязь между «челом», «человеком» и «челноком», следует очертить семантическое поле, в котором находится каждое слово из данной цепочки.

Слово «чело» наиболее частотное из рассматриваемых нами слов. Согласно статистике, приведённой в «Лермонтовской энциклопедии», это слово употреблено поэтом 82 раза [8, с. 773]. «Чело» в лирике Лермонтова: *беспокойное, высокое, бледное, морщинистое, гордое, белое, холодное, пасмурное, безоблачное* («достойное небес»), *возвышенное, сумрачное, блистающее* (у Демона), *бесчувственное*. Чело непременно несёт на себе печать глубоких дум, отражает не возраст, а пережитый опыт («Лицо моё вам не могло / Сказать, что мне пятнадцать лет»), на нём отражается рок, на него налагается клеймо.

Все характеристики, которыми обладает «чело», сходны в одном – это материальное воплощение духовной жизни, жизни сердца. На челе видны следы, оставленные пережитым. Пережитое же, в свою очередь, неоднозначно. Оно может быть связано как с положительными, так и негативными эмоциями: «Таит молодое чело / По воле – и радость, и горе («К портрету») [7, с. 527]. Чело – видимое воплощение работы мысли, а мыслящий человек не может быть

счастливым: «Я жить хочу! Хочу печали / Любви и счастию назло; / Они мой ум избаловали / И слишком сгладили чело» (1832).

Челом в стихотворениях М.Ю. Лермонтова могут обладать не только одушевлённые, но и неодушевлённые предметы – например, могильные кресты, луна или скалы: «Там крест к кресту челом / Нагнулся, будто любит» («Кладбище», 1830). Однако и в этом случае на нём отражены следы пережитых событий: раскол от небесного грома («Романс» 1832 г.), заросли травы и мха (поэма «Корсар»), любовь («Кладбище»).

Как было упомянуто ранее, слово «чело» связано со словом «человек», так как первое может принадлежать только второму. Если «чело» – это духовная составляющая, то «человек» рассматривается как явление, нечто из ряда вон выходящее. Слова «чело/человеческий» употреблены поэтом 26 раз [8, с. 773]. Рассматриваемое слово нередко используется со следующими словами и словосочетаниями: «…царь над общим злом, / С коварным сердцем, с ложным языком»; «в руке его булатный нож»; «всё ужасно, мрачно в нём»; «бледный, как жертва гробов»; «хотел владычество степей оспаривать»; «согнувшись, злобный, знал уж зависть». Гладкое чело может быть у представителя толпы, но не у человека. Чело/человек всегда выносится за рамки обыденности. Это одна из нитей, соединяющих слово «чело» и «человек». Как же связаны «человек» и «челнок»?

В стихотворении «Челнок» (1830) мотивная связь «человек-челнок» стягивает в свое смысловое поле любимые романтиками образы беспокойной стихии: «вихорь сильный», «летучий покров», «волны», «сражения дым»; внешне выраженные приметы лирического героя, наделенного особой судьбой: «бледный, как жертва богов», «взор мрачен и дик»; человек-челнок вписываются в сравнительно-сопоставительный ряд: «Взор мрачен и дик, как сражения дым, / Как тучи на небе иль волны под ним» [6, с. 117]. Лирический герой (страдающий от произвола «дивной власти») сопоставляется с челноком на основе развернутого сравнения:

По произволу дивной власти
Я выкинут из царства страсти:
Как после бури на песок
Волной расшибленный челнок; –
Пускай прилив его ласкает, –
Не слышит ласки инвалид;
Свое бессилие он знает,
И притворяется, что спит;
Никто ему не вверит боле
Себя иль ноши дорогой;
Он не годится, и на воле!
Погиб – и дан ему покой! [6, с. 141].

Выкинутый «из царства страсти» лирический герой – это человек, уже преодолевший свою земную судьбу, он наделен всезнанием. Созерцает настоящее из будущего, созерцает с «вещей скукой» (А. Блок). Герой наделяется даром прорицания, предсказания. Отсюда у Лермонтова мотив «вестника», вести из будущего. Стихотворение «Предсказание» (1830) в этом отношении характерно для поэта: «В тот день *явится мощный человек*, / И ты его узнаешь – и поймёшь, / Зачем в руке его булатный нож»; «И будет всё ужасно, мрачно в нём, / Как плащ его с возвышенным челом [6, с. 59].

Слово-мотив «челнок» является завершающим и обобщающим звеном в цепи «чело», «человек», «челнок». Слово «челнок» употреблено М.Ю. Лермонтовым 14 раз [8, с. 773]. Как «человек» противопоставляется вечности, так «челнок» противопоставляется морской стихии (в целом страстям земного мира). Следовательно «челнок» – это поэтическая метафора, образ-символ, вмещающий в себе содержательную нагрузку «чело» и «человека». «Челнок», как и «чело», несёт на себе следы пережитых событий: «…дощатый, / С полусгнившею скамьёй, / Парус серый и косматый, ознакомленный с грозой»; поэт наделяет его характеристиками: «изломанный», «бренный», «худой»,

«увязнувший», «озаряемый молнией», «кидаемый волной», «неверный», «недоверчивый». Земная судьба челнока, так же, как земная судьба романтического страдальца, – явление мимолётное («…бледные блеснут, пройдут»). «Чело» – «человек» – «челнок» не знают покоя, состояние покоя, неподвижности здесь смерти подобно: «Погиб – и дан ему покой!» [6, с. 141].

Таким образом, сочетание мотивов «чело – человек – челнок» в лирике Лермонтова вступает в связь с мотивами странничества и скитальчества. Выражение «неверный челнок» не позволяет провести отчетливую границу между семантическими значениями слов «странничество» и «скитальчество»: во многих случаях мотивы странничества и скитальчество выступают как амбивалентные. И то, и другое предполагает неизбежную встречу «человека-челнока» с беспокойной стихией: «Воет ветр и свистит пред недальной грозой; / По морю, на темный восток, / Озаряемый молньей, кидаем волной, / Несется неверный челнок («Челнок», 1830).

Словесные мотивы «чело», «человек», «челнок», интенсивно используемые в юношеской лирике М.Ю. Лермонтова, обнаруживают между собой связи, возможные лишь благодаря поэтическому сближению далеких друг от друга предметов. На этой основе создается поэтическое единство трех словообразов, они взаимно освещаются, обретают новые смыслы, имеющие семантическую продуктивность лишь в поэтическом контексте; образуется семантическое «гнездо», в котором не совсем очевидные связи между словами «чело», «человек», «челнок» вырастают в структурообразующий принцип мотивной системы лирики Лермонтова.

Список литературы:

1. Бурнуева Ю.А. Мотив в системе автокоммуникации в лирике М.Ю. Лермонтова: Слово, молчание, взгляд: автореферат дис. … кандидата филологических наук. Барнаул, Алт. гос. ун.-т. 2004. 21 с.

2. Вацуро В.Э. Ранняя лирика Лермонтова и поэтическая традиция 20-х годов [Электронный ресурс] // Wikireading.ru [сайт]. 2018. URL.: https://goo.gl/RSaU6r (дата обращения: 10.01.2018).

3. Головина Н.В. Языковая репрезентация смысловой диады мужчина / женщина в художественных текстах М.Ю. Лермонтова: автореф. дис. … канд. филол. наук: спец. 10.02.01 – русский язык. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2012. 23 с.

4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1999. Т. 4. 688 с.

5. Демиденко Е.Л. Мировоззренчески значимые образно-мотивные ряды в лирике М.Ю. Лермонтова: автореферат дис. … канд. филол. наук: спец. 10.01.01 – русская литература. М.: Московский педагогический государственный университет. 2005. 19 с.

6. Лермонтов М.Ю. Полное собрание стихотворений: В 2 т. Т.1. Л.: Сов. писатель, 1989. 687 с.

7. Лермонтов М.Ю. Полное собрание стихотворений. М.: Директ-Медиа, 2014. 527 с.

8. Лермонтовская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1981. 746 с.

9. Манн Ю.В. Динамика русского романтизма. М.: Аспект Пресс, 1995. 380 с.

10. Мехтиев В.Г. Самоповторения в поэмах М.Ю. Лермонтова «Демон» и «Мцыри» // Вопросы гуманитарных наук. М., 2003. № 1. С. 173-176.

11. Мехтиев В.Г. Мотив и его семантическое поле в юношеских поэмах М.Ю. Лермонтова «Азраил» и «Ангел смерти» // Проблемы поэтики русской литературы. М., 2003. С. 127-133.

12. Московских О.В. Мотив тайны в лирике М.Ю. Лермонтова: автореф. дис. … канд. филол. наук: спец. 10.01.01 – русская литература. Самара: Самарский государственный педагогический университет, 2004. 20 с.

13. Серебряная И.Б. Семантика поэтизмов в оценках русской критики 1-й половины XIX века // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2014. Вып. 2. С. 386-395.

Сведения об авторах:

Мехтиев Вургун Георгиевич – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск, Россия).

Редько Дарья Васильевна – студентка факультета филологии, переводоведения и межкультурной коммуникации Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск, Россия);

Data about the authors:

Mekhtiev Vurgun Georgiyevich – Doctor of Philological Sciences, Professor of Literature and Journalism Department of Pedagogical Institute, Pacific National University (Khabarovsk, Russia).

Redko Darya Vasilyevna – student of Philology, Translation and Intercultural Communication Faculty of Pedagogical Institute, Pacific National University (Khabarovsk, Russia).

E-mail: mextiev@mail.ru.

E-mail: philphak@mail.ru.